

Хазарию — то её пример для Руси был мало приемлем, во-первых, в силу исконного соперничества и противостояния Киева с хазарами, а во-вторых, из-за того, что и в самом каганате иудаизм не привёл к сплочению народа: иудаизирована там была только политическая верхушка, да и то частично. А мы видели, что на Руси, как, впрочем, и везде, была остро востребована именно консолидирующая функция религии.

— А что насчёт язычества? Сегодня в публицистике нередко можно встретить заявления о том, что у западных славян, живших в эльбо-одерском регионе Германии, сложился мощный, развитый языческий культ, имеющий все параметры «нормальной» религии, который как раз сплачивал и консолидировал народ в противостоянии натиску германцев. Здесь видят пример того, как замечательно могло бы «окормить народ» древнерусское язычество, если бы его не подрубило христианство...

— С этим действительно очень интересным вопросом стоит разобраться. Славяне, жившие на балтийском побережье в низовьях Эльбы (Лабы) и Одера (Одры), были объединены в два мощных протогосударственных образования — племенные союзы ободритов и лютичей. Их печальная, но поучительная судьба, на мой взгляд, — тот самый пример, который исчерпывающе иллюстрирует возможности славянского язычества в плане государственного строительства, в плане построения эффективной объединительной идеологии.

Здесь мы видим два очень важных момента. Во-первых, само по себе язычество в этих краях начинает бурно развиваться, приобретает черты религиозной структуры, с оформившимся жречеством, с храмостроительством, в IX–XII веках, в условиях противостояния с христианством, под знамёнами которого вёлся натиск с запада. Перед здешними славянами стоял очень тяжёлый выбор: либо мирно войти в состав Германской империи, либо оказать военное сопротивление. Племена, которые выбрали подчинение империи и интеграцию, прожили дольше, некоторые выжили до сих пор — например, сербы-лужичане: на сербо-лужицком языке даже романы пишутся. Хотя инкорпорация лужичан в иноязычную державу началась достаточно рано, ещё в IX веке, и, казалось бы, они давно должны были в ней раствориться. А лютичи и ободриты боролись до конца, но исчезли с лица земли в течение нескольких столетий. Конечно, можно сказать, что «лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Но мы-то обсуждаем возможности не смерти, а выживания.

Итак, первоначально язычество полабских и одерских славян было столь же аморфно, как и на Руси, где археологи не могут предъявить ни одного собственно храма, а лишь открытые площадки-святилища, а существование жречества как особого рода занятий под большим вопросом. Но затем, в ходе постоянного противостояния немецкой военной угрозе, язычество продвигается по пути консолидации культа, превращаясь в национальную религию. Причём конфронтация с немецкой церковью, которая для полабских славян была церковью завоевателей, порой придавала их языческому культу черты исключительной свирепости — вплоть до жертвоприношений христиан, а лучше — священников. О каких религиозных культуре, искусстве и тому подобном в таких условиях можно говорить? Ну, о деревянных украшениях храмов, которые функционально имитировали христианские церкви. Ну, о начатках религиозной скульптуры, довольно выразительно описанной немецкими писателями — своих-то не было. Всё это не так уж далеко от Владимировых кумиров: «Перун древян, а глава его сребряна, а ус злат».

Итог был для эльбо-одерских славян трагичен — они всё равно были вынуждены в XII веке уступить превосходящей силе и в результате исчезли как этнос. Язычество так и не стало залогом успеха в сопротивлении внешней угрозе. Но посмотрим, что принесло усиление его для внутренней жизни славянских княжеств. У лютичей редуцируется, вплоть до полного исчезновения, княжеская власть. Это — уникальный случай на Славянщине. Причём известно, что ещё в VIII веке власть князей у них была достаточно сильна. Но в результате укрепления язычества сложилась система, при которой все вопросы решали вече и жрецы. Ясно, что такой процесс очень опасен не только для культурного развития, но и для становления государственности.

Дело ведь не только в том, что князь и жрец конкурируют, борются за влияние на соплеменников. Пример ободритов, соседей лютичей, показывает, что сколько-нибудь укрепившаяся княжеская власть обязательно начинает обращаться к христианству. История ободритов представляет собой ряд языческих «реакций», в ходе которых свергались, а иногда и гибли князья-христиане — Готшалк, Генрих I. Аристократия лучше видит государственные и политические, а значит, и общественные, выгоды, а потому рано или поздно начинает склоняться к христианству. Ни культурно, ни политически невозможно развиваться, замыкаясь в

этнической скорлупе. Во многом именно постоянное сопротивление языческого жречества князю не дало ободритам построить долгоживущее государство. Замешанное на язычестве народовластие лютичей оказалось путём в никуда. Пример лютичей и ободритов — это вовсе не пример богатых возможностей язычества, а наглядная демонстрация того, что даже максимальное напряжение всех его сил было неспособно удовлетворить задачам государственного строительства.

— Но была ведь ещё и Литва — последнее языческое государство Европы...

— Литва позднее других вступает на путь государственного развития. Литовское язычество выступает столь выпукло не потому, что литовцы как-то исключительно ценили веру пращуров или видели в ней альтернативу христианству как государственной религии. Просто те последние 150–200 лет жизни в язычестве, которые у других европейских держав и народов приходились на «тёмные века», относительно бедные историческими свидетельствами, у Литвы проходили на глазах цивилизованного мира. Уже в XIII веке, а тем более в XIV, правителей Великого княжества Литовского занимала знакомая нам забота: в какую бы веру выкреститься с максимальной политической выгодой. Возьмём переписку князя Ольгерда с Константинопольским патриархатом. Для чего огнепоклоннику Ольгерду так нужна собственная митрополия, если он не собирался креститься? А сам Гедимин? Он крестился, а затем вернулся в язычество, мотивируя это (в письмах папе римскому!) тем, что не мог оставаться в одной вере с бесчинствовавшим на литовских землях Тевтонским орденом. А вот если папа сумеет призвать Орден к порядку, тогда... Литовское государство не могло остаться языческим ещё и потому, что подавляющее большинство его населения уже было христианами. Где же тут реальность языческой альтернативы?

Выбор состоял в другом — в выборе церкви, к которой бы присоединиться. Да и тогда то был вопрос не для народа, уже преимущественно православного, а для правящей династии. И на Славянщине, и в Литве для князя, для государственной элиты — то есть для людей, имеющих более широкий кругозор и знающих мир лучше, чем простые селяне — было очевидно, что замыкаться в своём этническом миреке бесперспективно. Правители понимали, что государство не может жить изолированно, оно должно включиться в общую систему — христианский мир. А войти в него на равных можно было, только приняв христианство.

Беседовал Сергей Антоненко